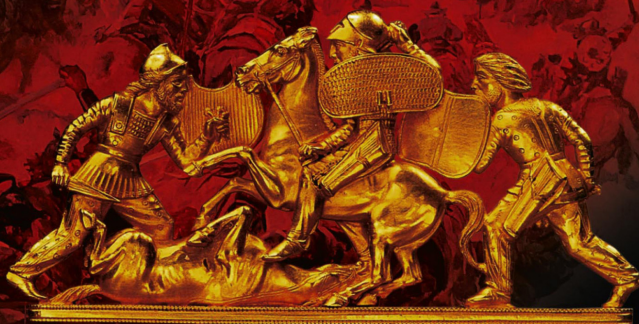

УИЛЬЯМ М.
МАКГОВЕРН

ДРЕВНИЕ ИМПЕРИИ

ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

СКИФЫ И ГУННЫ
В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Уильям М. Макговерн
Древние империи Центральной
Азии. Скифы и гунны
в мировой истории

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64891035

*Древние империи Центральной Азии. Скифы и гунны в мировой истории / Пер. с англ. Л.А. Игоревского: РИПОЛ классик; Москва; 2021
ISBN 978-5-9524-5552-8*

Аннотация

Уильям Монтгомери Макговерн – американский исследователь, профессор Северо-Западного университета, штат Иллинойс, антрополог, журналист и путешественник – представляет свой труд по истории Центральной Азии, отмечая ее значение в развитии цивилизаций Древнего мира. Макговерн обращает внимание на важную роль, которую играла Центральная Азия в культурной истории человечества и как центр, где развивались многие традиции и виды искусства, и как посредник между всеми крупными культурными центрами Древнего мира. Автор отмечает историческую значимость нашествий, совершенных различными центральноазиатскими народами. С самых ранних времен эту территорию населяли как минимум две

отдельные и различные в расовом и языковом отношении группы, которые именуют скифами и гуннами.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Введение Центральная Азия в мировой истории	5
Книга первая	37
Глава 1	37
Глава 2	50
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Уильям М. Макговерн **Древние империи** **Центральной Азии. Скифы** **и гунны в мировой истории**

Введение Центральная **Азия в мировой истории**

За несколько последних столетий в отношении того, что называлось «мировой историей», произошли большие изменения. В XVIII в. к «мировой истории» относили историю Греции и Западной Европы, которой предшествуют рассказы о евреях, взятые из Ветхого Завета. За этим последовал огромный прогресс в исторических исследованиях, особенно в сфере археологии на Ближнем Востоке, результатом чего стало понимание роли, которую играли в мировой истории цивилизации Египта, Ассирии и Вавилона.

Тем не менее в последнее время границы мировой истории расширились на восток еще больше. В течение многих десятилетий отдельные ученые изучали сведения об Индии и Китае, но в целом только в начале XX в. историки признали, что достижения этих восточных стран имеют всемирное

значение и их нельзя исключать из общей картины эволюции человечества.

Однако остается еще обширная и по-настоящему важная область, которую слишком часто игнорируют все, за исключением узкого круга специалистов. Эта область – Центральная Азия, регион, имеющий значение для решения всех общих проблем истории человечества.

Культурная, политическая и экономическая жизнь Европы и даже Америки многим обязана воздействию Центральной Азии. Мы последовательно рассмотрим все элементы этого вклада в мировую цивилизацию. Начнем с обычаев и нравов (с того, что антропологи называют «культурными особенностями»), зародившихся в этом регионе.

Важным фактором развития цивилизации является процесс одомашнивания диких животных человеком для последующего использования в своих целях. Дикая лошадь впервые была одомашнена в степях Центральной Азии, и именно в этом регионе возникла культура коневодства – разведение лошадей для использования в качестве тягла и позже для верховой езды, – в дальнейшем распространившаяся на другие части мира¹. Таким образом, неудивительно, что многие предметы, связанные с лошадьми – например, седло, а затем

---

¹ Согласно новейшим исследованиям, лошадь была впервые одомашнена в степях и местностях Восточной Европы от Днепра до Пред-уралья. Древнейшие останки найдены на территории современной Башкирии. (Здесь и далее примеч. ред.)

стремена, – тоже впервые появились в Центральной Азии.

Еще интереснее влияние, которое Центральная Азия оказала на одежду, в особенности на мужской костюм. Благодаря одомашниванию лошадей и появившемуся позже навыку верховой езды древние обитатели Центральной Азии были вынуждены отказаться от свободной, похожей на юбку одежды, повсеместно распространенной среди древних людей, и придумать тот оригинальный предмет туалета, который мы называем штанами. Ношение штанов веками ограничивалось исключительно обитателями Центральной Азии, но со временем езда верхом стала привычным делом во всех частях света, а за ней последовало и ношение штанов.

Близкое отношение к езде верхом имеет и другой предмет из Центральной Азии под названием сапоги, постепенно заменивший тапки и сандалии, которые до этого носили по всему миру. Древние сапоги делались из кожи или из войлока, и это с большой вероятностью указывает, что искусство изготовления войлока было еще одной культурной особенностью, которая постепенно проделала путь из Центральной Азии в другие части света. Несколько позднее именно в Центральной Азии родился обычай приделывать к сапогам или туфлям каблуки.

Мы привыкли считать жителей Центральной Азии, как в древние, так и в современные времена, по сути дела, варварами. По этой причине интересны обнаруженные при недавних археологических раскопках доказательства того,

что обитатели Центральной Азии имели высокоразвитые художественные традиции. Однако еще важнее – ученые в состоянии теперь это показать, – что древнее центральноазиатское искусство оказало заметное влияние на развитие искусства Европы, с одной стороны, и Китая и Дальнего Востока – с другой.

Долгие годы мы полагали, что наша «европейская» культура по большей части восходит через Рим и Грецию к «завоеваниям цивилизации», добытым народами Египта и Ближнего Востока, тогда как великие классические цивилизации Индии и Дальнего Востока повсеместно считались продуктом совершенно отдельной независимой культурной эволюции. Исторические исследования и археологические открытия последних лет показали ошибочность такого мнения. Задолго до начала письменной истории имел место перенос и распространение культурного влияния между Ближним Востоком, где зародилась цивилизация, и всеми другими частями Европы и Азии.

В более поздние времена культурная «диффузия» часто меняла свое направление. Новые идеи, новые изобретения, новые манеры и обычаи распространялись из Европы или Ближнего Востока на Индию и Китай, но очень часто Индия и в особенности Китай опережали западные земли и вносили свой культурный вклад, который оказывал глубокое влияние на всю историю западного мира. Такой обмен культурными особенностями между Востоком и Западом существовал по-

стоянно, и это дает возможность говорить о мировой истории в противовес истории любого отдельно взятого региона.

В этой связи особую важность представляет обмен культурными особенностями через Центральную Азию. Именно люди из Центральной Азии брали европейские изобретения и передавали их, например, китайцам, а взамен брали китайские изобретения и несли их в Европу. Благодаря этому факту очевидно, что если Индия и Китай должны быть допущены во врата мировой истории, то и с Центральной Азией невозможно обходиться иначе.

Мы приведем всего два или три особенно ярких примера того, как Центральная Азия, играя роль посредника между Западом и Востоком, весьма существенно влияла на культурное развитие всего человечества. Такой обмен культурными особенностями начался задолго до возникновения письменной истории. Учитывая тот факт, что еще на заре истории жители Ближнего Востока и Северного Китая использовали колесо и плуг и что обитатели обоих регионов выращивали пшеницу, представляется возможным существование давних культурных связей между этими людьми. Эта теория получила подкрепление после раскопок в Анау (близ Ашхабада в Туркмении) в Центральной Азии. Они указывают на то, что цивилизация, которая в свое время расцвела в этом месте, очевидно, была связующей нитью между древними цивилизациями Ближнего и Дальнего Востока. Безусловным доказательством этой теории стали находки на севере

Китай, поскольку найденные там образцы доисторической посуды несут на себе заметные следы западного влияния.

Переходя к более поздним историческим временам, мы обнаруживаем, что в период, непосредственно следовавший за кампаниями Александра Великого, Запад снова смог дать культурный толчок Дальнему Востоку посредством людей, обитавших в Центральной Азии. Греческая школа в искусстве, утвердившаяся в северной части современного Афганистана, оказала масштабное влияние в различных частях Туркестана и, наконец, через Туркестан достигла Китая, где вызвала подлинную революцию в китайской живописи и скульптуре. Кроме того, вероятно, что большое изменение, имевшее место в китайской музыке того времени, тоже произошло благодаря греческому влиянию.

Ввоз в Поднебесную греко-римского стекла через Центральную Азию оказал глубокое воздействие на китайских ремесленников и косвенно способствовал изобретению фарфора. Позже, в VII в. н. э., быт китайцев очень сильно изменили такие европейские предметы мебели, как кровати, столы и стулья, с которыми они познакомились благодаря тюркским племенам, обитавшим в Центральной Азии. Любопытно, что до самого последнего времени китайцы были единственным восточным народом, перенявшим эти европейские удобства. Наконец, следует добавить несторианское христианство, одно время обеспечивавшее большое количество обращений в среде народов Центральной Азии. Через

Центральную Азию несторианство проникло в Китай, и в VII в. н. э. в китайской столице уже существовала процветающая христианская община.

Похожим на контакты Китая с Европой был взаимообмен Поднебесной с Персией (Ираном). Особенно явно иранское влияние проявлялось в области сельского хозяйства. Во II в. до н. э. благодаря контактам с Центральной Азией Китай смог получать из иранского мира люцерну и виноград. В последующие века множество других сельскохозяйственных культур через Центральную Азию попали из Ирана в Китай и стали толчком к огромным изменениям в китайской экономике. Существенным оказалось иранское влияние на развитие китайского оружия и китайской военной стратегии. Кроме того, немаловажен тот факт, что проникшее в III в. из Ирана в Центральную Азию манихейство надолго стало соперником христианства и обосновалось в Поднебесной параллельно с ним.

Интересно, что связи между Китаем и Индией по большей части осуществлялись не прямо, а через Центральную Азию и при посредничестве ее жителей. Несмотря на географическую близость Индии и Китая, разделяющие их труднопроходимые горные территории делают прямые контакты чрезвычайно сложными. По этой причине связи между двумя странами почти всегда осуществляются либо по морю, либо по обходному пути через Центральную Азию.

Именно через Центральную Азию в Китай и другие стра-

ны Дальнего Востока из места своего возникновения в Индии проник буддизм. И безусловно, многие из первых миссионеров, обращавших китайцев в буддизм, были не индийцами, а выходцами из Центральной Азии. Этот факт помогает понять некоторые заметные отличия между индийской и китайской разновидностями буддизма. Вопрос об истоках китайского буддизма важен, поскольку хорошо известно, что его появление в Китае радикально изменило культурную жизнь почти всех народов Дальнего Востока.

До сих пор мы подчеркивали передачу культурных особенностей из Европы, Ближнего и Среднего Востока через Центральную Азию в Китай. Но не стоит забывать, что все то время, когда Китай получал стимулирующее воздействие с Запада, он по тому же каналу передавал многочисленные передовые черты своей цивилизации.

С давних времен такие выращиваемые китайцами растения, как персики и абрикосы, через Центральную Азию и Иран перевозились на запад – в Европу. Позже другие китайские культуры, например ревеня, имбирь и чай, стали любимыми предметами экспорта на Запад.

Еще во времена императора Августа (родился в 63 г. до н. э., умер в 14 г. н. э.; правил 27 г. до н. э. – 14 г. н. э.) Китай получил особую известность в римском мире благодаря изготовлению шелка. В последующие века импорт шелка из Поднебесной стал чрезвычайно важным фактором коммерческой жизни Римской империи. Великий шелковый путь из

Китай в Рим проходил через Центральную Азию, и борьба за этот участок пути не раз приводила к важным политическим изменениям. Позднее торговля китайским фарфором по масштабам практически сравнялась с торговлей шелком.

В области изобретений связь между Китаем и Западом (через Центральную Азию) не менее плодотворна. Время от времени китайцам удавалось улучшить собственные изобретения. Примером подобного рода может служить бумага. Технология изготовления бумаги была изобретена китайцами в начале II в. н. э. В VIII в. производство распространилось в Центральную Азию, и вскоре его получили арабы, которые, в свою очередь, передали секрет европейцам. Европейский способ изготовления бумаги в основном является просто копией древнего китайского способа. С производством бумаги тесно связан процесс выпуска бумажных денег. Эта практика, с давних времен хорошо известная китайцам, получила распространение в Иране (а оттуда пришла на Запад) в XIII в. при посредстве монголов и выходцев из Центральной Азии, которые на тот момент правили и в Китае, и в Иране.

В некоторых случаях европейцам удавалось внести улучшения в китайские изобретения, которые приходили к ним через пустыни Центральной Азии. Развитие печатного дела может служить яркой тому иллюстрацией.

Печатание книг стало привычным делом в Китае с начала X в., но в Поднебесной по большей части пользовались

примитивным методом печатания с помощью клише. Нельзя сказать, что использование наборных шрифтов на Дальнем Востоке было совершенно не известно, но эта техника не получила настоящего развития до тех пор, пока базовые принципы печатания не проникли с Дальнего Востока в Европу.

В некоторых случаях китайцы не доводили возможности своих изобретений до окончательной реализации. Классическим примером служат их изыскания в области химии. Благодаря своим алхимическим гипотезам китайцы очень рано начали проявлять интерес к определенным химическим экспериментам. В каких-то случаях результаты таких экспериментов переходили от китайцев к арабам, а от них к европейцам. Среди тех крупниц знаний по химии, которые таким образом попали на Запад, было знакомство с чистой селитрой – веществом, называвшимся у арабов «китайский снег». В Китае селитру использовали для фейерверков (арабы называли их «китайские стрелы»), однако это привело к изобретению пороха.

Похожим примером является «колесница, указывающая на юг», которую в Китае использовали только для поиска «счастливых мест», тогда как в Европе она привела к изобретению замечательного инструмента, получившего на Западе название «компас». Неудивительно, что, в отличие от большинства китайских изобретений, компас пришел в Европу не через Центральную Азию, а по морю.

Мы показали, что Центральная Азия долгое время играла заметную роль в культурной истории человечества и как центр, где развивались многие традиции и виды искусства, и как посредник между всеми крупными культурными центрами Древнего мира.

Не менее важна та роль, которую Центральная Азия играла в политической истории мира. По большей части это являлось результатом многочисленных миграций и нашествий, предпринимаемых людьми, считавшими Центральную Азию своей родиной.

В этой связи мы можем проигнорировать являющийся предметом жарких споров вопрос о том, является ли Центральная Азия колыбелью всех арийских (иначе индоевропейских) народов. Достаточно будет сказать, что отброшенное на некоторое время мнение, что индоевропейские народы произошли из Центральной Азии, снова обрело известность и поддержку многих авторитетных специалистов.

Какими бы жаркими ни были эти споры, не может быть никаких сомнений в исторической значимости нашествий, совершенных различными центральноазиатскими народами, которые, независимо от их происхождения, какое-то время обитали в сердце Азии. С самых ранних времен Центральную Азию населяли как минимум две отдельные и различные в расовом и языковом отношении группы, которые за неимением более точных названий именуют скифами и гуннами. Скифы – это наиболее подходящий термин, применя-

емый ко всем населявшим Центральную Азию людям, принадлежавшим к «великой белой расе» (по выражению профессора Брестеда) и говорившим на арийском (иначе индоевропейском) языке. Под гуннами понимают группу племен, которые изначально обитали дальше к востоку и позднее были поглощены народами монголоидной расы, по причине чего их часто ошибочно причисляют к «великой желтой расе». Однако более важно то, что гунны говорили на языке совершенно не похожем на арийский, который обычно называют туранским, хотя лучше было бы назвать его урало-алтайским.

Много веков назад скифский, или индоевропейский, элемент в населении Центральной Азии почти полностью исчез. Но эта историческая трагедия не должна помешать нам видеть тот факт, что когда-то эта общность была доминирующей в регионе, ныне известном как Туркестан, и из Туркестана скифские племена распространились во всех направлениях, оказав огромное влияние на все соседние страны. На западе скифские племена наводнили всю Южную Россию и проникли даже в центр Европы. На востоке другие скифские племена вторгались далеко в Восточную Азию и в течение нескольких веков владели тем, что теперь является северо-западной частью Китая, таким образом предоставив китайцам первую возможность контакта с людьми европейской (европеоидной) расы и языка.

Но самое большое влияние скифские миграции оказали

на регионы, расположенные к югу от Туркестана. Именно скифы в широком смысле слова (возможно, стоило бы сказать, предки исторических скифов) на самой заре истории пронесли по Иранскому нагорью и далее в Северную Индию, оставив этим регионам население преимущественно белой расы, говорившее на индоевропейском языке.

В более поздние времена индоевропейские обитатели Ирана и Индии оставили свои ранние кочевые обычаи и превратились в оседлых земледельцев. Это сделало их смертельными врагами их отдаленных кузенов – собственно скифов, которые продолжали обитать в Туркестане и сохранили свои кочевые обычаи вместе с пристрастием к набегам и грабёжам. Эти поздние скифы снова и снова вторгались и грабили далекие южные царства, которые пристрастились к роскоши и стали слишком изнеженными. В некоторых случаях их грабительские набеги приводили к завоеванию и оккупации этих царств на постоянной основе.

Парфяне, правившие Ираном почти пять веков (с 247 г. до н. э. до 226 г. н. э.), являются классическим примером скифской народности, которая переместилась из Туркестана (Средней Азии) на юг и захватила политическую власть над земледельческим народом, населявшим Иранское нагорье.

В течение длительного промежутка времени, когда Иран находился в руках Парфянской династии, Северная Индия была добычей нескольких других скифских группировок. Многие из индо-скифских правителей, наряду с тем, что

были прекрасными строителями империи, оказались выдающимися покровителями искусства. Под их покровительством возникли совершенно новые литература и искусство, которым суждено было оказывать длительное влияние на более позднюю цивилизацию Азии.

Теперь, возвращаясь от скифов к гуннам (другой крупной составляющей населения Центральной Азии), мы обнаруживаем, что в тот период, когда в Туркестане правили скифы, в Монголии доминировали различные племена гуннов, говоривших в основном на языке «хунну» (термин, данный китайцами, которые много веков жили в почти постоянном страхе перед нападениями гуннов). Великая Китайская стена была построена в 214 г. до н. э. с целью уберечь от кочевников-гуннов плодородные долины Желтой реки (Хуанхэ). Вскоре после этого гунны, обитавшие в Монголии, которые прежде делились на множество отдельных племен, объединились в единую империю, в той или иной форме просуществовавшую более 350 лет (с 209 г. до н. э. по 160 г. н. э.). Значительную часть этого времени империя гуннов была серьезным соперником Китая в борьбе за политическое лидерство и господство на Дальнем Востоке.

После многочисленных ожесточенных войн китайцам удалось не дать гуннам создать себе постоянный плацдарм на территории Китая вплоть до III в. н. э. Потом внутренние беспорядки ослабили Поднебесную империю, и в результате гунны (сначала собственно гунны, а затем другие туранские

народы) стали хозяевами Северного Китая. Туранское доминирование в этом регионе продлилось два века (до 581 г.).

Ближе к VI в. китайцам удалось изгнать туранских властителей, и в последующем, особенно в период правления знаменитой династии Тан (618–907 гг.), они смогли обеспечить себе контроль не только над своими владениями, но и над большей частью Центральной Азии. Однако после падения династии Тан Китай снова оказался во власти внутренних проблем, и в результате империя снова пала жертвой туранских орд, хлынувших с севера Центральной Азии².

На протяжении тысячи лет между падением в 908 г. династии Тан и созданием в 1912 г. Китайской республики местные династии продолжали править отдельными частями империи, в основном Южным Китаем, но целиком страна находилась под властью местных династий меньше трехсот лет (с 1368 по 1644 г.). Остальное время этого тысячелетия Поднебесная империя частично или целиком управлялась различными группами гуннов или других туранцев³.

С начала XI в. по 1278 г. Северным Китаем последовательно управляли «железные варвары» (Ляо), потом «золо-

---

² Сначала это были кидани, создавшие государство Ляо, затем чжурчжэни, в 1125–1127 гг. разгромившие киданей, – империя Цзинь (1115–1234), уничтоженная монголами при поддержке китайцев из Южного Китая (империи Сун, которую монголы в 1279 г. тоже завоевали).

³ С 1644 г. Китай был завоеван маньчжурами (до 1636 г. именовались чжурчжэнями), подавлявшими сопротивление китайцев до 1683 г., правившими до 1911 г. (династия Цин – «светлая»).

тые варвары» (Цзинь) и, наконец, монголы Чингисхана и его потомков. В 1279 г. Южный Китай, которому до этого удавалось сохранять независимость, пал под напором Хубилай-хана, внука великого Чингиса, и впервые в истории вся Поднебесная империя оказалась под властью туранцев.

Монгольское правление в Китае продлилось всего девятью годами. Династия Чингисхана пала, в основном в результате ее неправильной финансовой политики, выражавшейся в выпуске слишком большого количества бумажных денег. Буддийский проповедник Чжу Юаньчжан, пораженный нищетой своих соплеменников, возглавил восстание и в 1368 г. после изгнания монгольских войск основал династию Мин. Но Китай ненадолго освободился от иностранных правителей. В 1644 г. другой туранский народ, на этот раз маньчжуры, жившие на северо-востоке современного Китая (в Маньчжурии), пронесли по Поднебесной и железной рукой правили ею до революции 1911–1912 гг.

Историческая роль гуннов и других туранских народов не ограничивалась Дальним Востоком. Примерно во II в. н. э. скифские индоевропейские народы, которые до этого были доминирующим элементом в Туркестане, стремительно деградировали и в конце концов были вытеснены или поглощены гуннами, которые медленно двигались на запад. К V в. н. э. гунны взяли под свой контроль весь Северный Туркестан и, таким образом, оказались ближайшими соседями империи персидской династии Сасанидов, правившей в Иране

с 226 г. Конфликты между персами и гуннами (в данном случае речь идет о так называемых «белых гуннах») не заставили себя долго ждать. В ходе одного из них самый могущественный из сасанидских монархов был убит (484 г.), и многие годы персы были вынуждены платить гуннским правителям большую дань, чтобы уберечь свои земли от разорения.

В VI в. гуннских правителей в Туркестане сменили тюрки – народ близкий к гуннам как по расе, так и по языку. Но тот факт, что гунны уступили тюркам, не принес облегчения Ирану, поскольку тюрки быстро доказали, что являются еще более опасными соседями, чем их предшественники. Точнее говоря, в течение нескольких веков тюрки довольствовались эпизодическими набегами на территорию Ирана, но после 1040 г. могучие турки-сельджуки захватили Иран и вскоре после этого стали хозяевами во всех странах Ближнего Востока.

Спустя два века (после 1218 г.), когда турки-сельджуки ослабели, место хозяев Ирана заняли монголы, и более века Иран был составной частью огромной Монгольской империи. Не успела рухнуть Монгольская империя, как монголо-тюркские орды под предводительством великого Тимура (более поэтически называемого Тамерланом) восстановили туранское господство над Иранским нагорьем. За этим последовал короткий период местного правления, с 1795 по 1925 г. Ираном снова управляли туранцы, на этот раз в лице тюрков династии Каджаров. Даже сегодня более пятой части

населения Ирана по-прежнему говорит на тюркских языках, являясь живым памятником векового туранского доминирования.

Индия имеет похожую историю. В V и VI в. н. э. одна ветвь белых гуннов – народа, который так сильно опустошил Иран, – проникла по горным тропам в Индию и разрушила империю Гуптов – одно из величайших местных царств, когда-либо существовавших на земле Индии. Вскоре государство, созданное гуннами, развалилось, но нашествие гуннов оказало устойчивое воздействие на состав индийского правящего класса. Старые царские семьи одна за другой исчезли, а гордые местные (хинду) фамилии раджпутов и другие, которые составляют аристократию сегодняшней Индии, большинством ученых считаются потомками не древней местной аристократии, а главным образом воинов белых гуннов.

Рассказ о нашествиях туранцев в Индию на этом не заканчивается. Следующие волны туранских набегов распространились еще дальше и имели еще более далеко идущие последствия. До тех пор, пока распространение ислама находилось в руках арабов и персов, Индия не так сильно страдала от мусульманских вторжений, но, как только туранские тюрки обратились в ислам, индийская вера (индуизм и буддизм) оказалась под сильным давлением. Начиная с 1000 г. отряды тюркских и афганских воинов совершали набеги на Индию, сначала в поисках добычи, а потом с целью завоевания

и переселения на новые земли. К 1200 г. мусульманские захватчики объединили свои завоевания, и с этого времени до установления английского владычества в XVIII в. Индией в основном управляли разные иноземные мусульманские династии. Большинство из этих иностранных правителей были тюркского (туранского) происхождения и опирались на тюркские войска. Наиболее видной из туранских династий была династия Великих Моголов или Мугалов (название, получившееся от слова «монгол», хотя на самом деле Мугалы были в большей степени тюрками, чем монголами), которая просуществовала с 1526 г. до середины XIX в. После 1700 г. их реальная власть ослабела, но до 1835 г. британцы продолжали чеканить монеты с именем Мугалов – номинальных повелителей в Индии, и Мугалы продолжали номинально править до 1858 г. Последствия туранского вторжения в Индию так больше никогда и не удалось стереть. Например, ислам, который был привнесен захватчиками, до сих пор исповедуют 320 млн жителей Индии⁴.

До сих пор мы разбирались только с влиянием вторжений гуннов, или туранцев, на историческое развитие других народов Азии. Последствия этих вторжений настолько значительны, что их признает большинство людей, изучающих историю, и у нас нет необходимости подчеркивать их важность.

---

⁴ Книга вышла в конце 1930-х гг. На самом деле население Британской Индии в 1939 г. – около 380 млн.

Возвращаясь из Азии в Европу, мы обнаруживаем, что эффекты туранских вторжений в основном были непрямыми и менее очевидными, и потому их часто игнорируют. Тем не менее можно с определенностью сказать, что политическая география Европы является отчасти результатом волн туранских народов, которые в IV в. начали наводнять Европейский континент. В действительности можно даже утверждать, что сама структура современной Европы подверглась глубокому изменению вследствие туранских вторжений.

Среди самых важных факторов, определивших контуры Европы, какими мы их знаем сегодня, можно назвать падение Римской империи, вытеснение германских народов на запад Европы, появление славянских народов в Центральной и Южной Европе, эпоха Возрождения и оживление интереса Западной Европы к античным классикам и, наконец, путешествия, которые привели к открытию Нового Света. В подоплеке всех этих событий притаились орды из Центральной Азии.

Конечно, говоря о сложных событиях мировой истории, невозможно назвать абсолютно точные причины. Каждое из перечисленных выше изменений было результатом сочетания огромного количества факторов, но в каждом случае можно показать, что одной из главных или самой главной непосредственной причиной было вторжение или завоевание определенной части Европы народами центральноазиатского происхождения.

Из Центральной Азии пришли силы, которые разрушили Римскую империю. Точнее говоря, это сделали не сами набеги, совершаемые азиатами с равнин Венгрии в Западную Европу. Несмотря на то что орды азиатских варваров, хлынувшие в Галлию и Италию, сеяли ужас и террор, они не приводили к возникновению постоянных поселений, и политические сдвиги, которые они вызывали, носили преходящий характер. Слом старой системы Римской империи вызвало появление на ее территории поселений германцев. Именно готы совершили первые серьезные вторжения на территорию Италии, Южной Франции и частично Испании. Свевы и вандалы оккупировали оставшуюся часть Испании и Африку. Бургунды двинулись в Центральную Францию, а англосаксы заняли часть Британии, которая до этого была римской колонией.

Конечно, это известно каждому школьнику, однако школьник забывает – или ему никогда не говорят, – что германские племена, которые появились в римском мире как завоеватели и захватчики, в своих собственных глазах и в глазах гуннов эпохи, непосредственно предшествовавшей Атилеме, были ордами несчастных беженцев. Уважение, которое племена готов питали к римским легионам, было огромным, но куда больше был ужас, который наводило на них внезапное появление невиданных диких всадников из далеких степей Центральной Азии. Именно этот душераздирающий страх заставлял их прорываться через римские заставы

и носиться по римским провинциям.

О связи гуннов с этими миграциями мы можем лишь догадываться по косвенным признакам. Германские племена не вели летописей, куда могли бы записать причины своих вторжений, а внутренние проблемы варварских племен редко привлекали внимание римских авторов. В некоторых случаях единственное, что мы можем сказать, – это что миграция германских племен на запад совпадала по времени и месту с приходом гуннов с востока.

Однако там, где у нас есть какие-то доказательства, где имеются какие-нибудь богатые событиями хроники того периода, все они подводят нас к мысли о связи переселения германских племен на запад с предшествующим воздействием нашествия гуннов. Мы знаем, что остготы обитали на территории современной Южной России и Украины, постепенно распространялись на запад до тех пор, пока не подверглись вторжению с востока гуннов и не были вынуждены сопровождать своих новых азиатских хозяев до границ Римской империи. Мы знаем, что вестготы, эти ужасные завоеватели, которые первыми разграбили императорский Рим, вторглись в империю в качестве беженцев после того, как были полностью разгромлены ордами гуннов.

Если гунны были той движущей силой, которая отбросила германские племена на территорию Римской империи, то азиатские последователи гуннов, авары, появившиеся на сцене сто лет спустя, способствовали переселению на ее

обезлюдившую территорию славянских племен. Славяне, которые почти не были известны в период древней истории, медленно продвигались на запад, занимая территории, опустевшие после ухода германцев. Но именно аварские сородичи гуннов, которые сами бежали от еще более могущественных тюрков, ускорили распространение славян и заставили их перейти римские границы.

И точно так же, как римские власти разрешили разгромленным гуннами вестготам селиться на территории империи, константинопольский император Ираклий позволил хорватам и сербам селиться в Восточной Римской империи, где они должны были стать колонистами, обживающими безлюдные регионы, и вместе с тем буфером на случай возможных нападений аваров.

Славянизации другой части Восточной Римской империи способствовали болгары – еще один азиатский народ, – поскольку именно древние азиатские болгары первыми отняли у византийского императора его северо-восточные провинции. Прежде чем войска императора успели отвоевать этот регион, он оказался плотно заселен славянами, которых привели с собой болгары, одновременно перемещавшиеся с ними⁵. С тех пор славянская культура навсегда осталась доми-

---

⁵ Сначала на территорию Болгарии пришли славяне, причем в значительной части восточные. В VII в. здесь возник союз семи славянских племен. Во второй половине VII в. здесь появились болгары во главе с Аспарухом (включавшие и славянские элементы). Болгары ассимилировались и приняли славянский язык, передав славянам свое племенное название. В 679 или 681 г. Болгария добилась

нирующей в этом регионе.

Судьбе славянских народов, на которую нашествие азиатов уже оказало сильнейшее влияние, суждено было ощутить еще одно неизгладимое воздействие Азии. Различные славянские царства и княжества протянулись непрерывной цепью вдоль границ восточных германских племен. Славянские государства занимали территории от Греции до берегов Балтики. Одно время казалось, что эти славянские государства могут объединиться в одну огромную славянскую империю с общей религией и литературой. Но появление в конце IX в. в самом сердце долины Дуная мадьяр (венгров) уничтожило все шансы на создание этого единого славянского государства. Мадьяры чужеродным клином отделили западных славян от южных, и с тех пор развитие этих двух больших ветвей славянских народов пошло разными путями.

Южные славяне оказались втянуты в орбиту византийского влияния, получив разновидность греческого алфавита и приняв греческий вариант христианства (православие). Тем временем западные славяне, а именно поляки, чехи и словаки, стали использовать латинскую письменность, которую использовали их германские соседи, и приняли римский вариант христианства (католичество).

Разделение славян на северную и южную ветви завершает череду событий европейской истории, вызванных вторжением в Европу тех азиатов, которые пришли туда по пути,

---

от империи своего признания как государства.

пролежавшему севернее Черного моря. Но в то время, когда последние из них окончательно обосновались на территории Венгерского королевства, другая огромная волна азиатов пробивала себе дорогу в западный мир по другому пути, лежавшему южнее Черного моря через Малую Азию и дальше через проливы Мраморного моря на Балканы.

Мощная волна арабо-мусульманских завоеваний и политически, и культурно отделила Африку (включая Египет), Палестину, Сирию и Месопотамию от Европы и сделала их частью восточного мира. Четыре сотни лет Малая Азия стойко сопротивлялась магометанству, оставаясь провинцией Римской империи и частью европейского достояния. Но турки-сельджуки, которые вышли из степей Центральной Азии и уже смели когда-то могущественных властителей Ирана, напали на Византийскую империю и в битве при Манцикерте в 1071 г. сделали то, что не удавалось сделать арабам даже на вершине их славы. Они захватили большую часть Малой Азии, уменьшив культурную Европу до размеров Европы географической.

В течение трехсот лет казалось, что это было самым худшим из их разрушительных воздействий. Казалось, что Европа как таковая неуязвима для их атак. Но когда сельджуки начали слабеть в борьбе с Европой, их место заняли близкие родственники турки-османы, недавно вышедшие из азиатских степей. И вскоре после этого вся балканская Европа, включая сам Константинополь – древний центр европейской

культуры, оказалась у них в руках. В результате, если когда-то на юго-востоке культурная Европа распространилась на часть географической Азии, то теперь культурная Азия дотянулась до географической Европы и проникла в нее.

Захват Константинополя турками в 1453 г. давно и не без причины считается одним из поворотных пунктов европейской истории. После падения Рима и до падения Константинополя центром притяжения европейской культуры был Восток, а не Запад. В бывшем императорском городе и в варварских государствах, прежде бывших провинциями Западной Римской империи, античное искусство и литература (не только греческие, но и собственно римские) были преданы забвению, но это искусство и литературу еще ценили и изучали в Константинополе и в провинциях, по-прежнему оставшихся под влиянием Византии. К несчастью, связи между Востоком и Западом были очень ограниченными. По иронии судьбы, многое из того, что касалось древнего величия их собственных земель, обитатели Западной Европы узнали от арабов, которые, прежде чем захватить Испанию, поддерживали контакты с греческими учеными Ближнего Востока. Культура не могла передаваться в Европе напрямую из Константинополя в Рим. Она достигла Западной Европы через Малую Азию, Северную Африку и Испанию, где насаждалась среди христианских жителей этой страны арабами, а затем перебралась к их единоверцам по другую сторону Пиренеев.

Упадок арабской культуры положил конец многим из этих культурных связей, и какое-то время, когда Константинополь и окружающие его провинции попали в руки варваров-турок, казалось, что весь пласт классического знания исчезнет навсегда. Однако, к счастью, сам шок от падения Константинополя изменил ситуацию к лучшему. Многие ученые, которые на момент прихода турецких варваров жили в Византии, спасая свою жизнь, бежали и после различных превратностей обосновались в странах Западной Европы, в особенности в Италии, самой близкой и знакомой им христианской стране.

Появление византийских ученых, ставшее прямым результатом турецких завоеваний, послужило мощным толчком к пробуждению науки и образования на Западе. Несомненно, что к тому времени внутреннее развитие подготовило Запад к большим изменениям. Несомненно, что Возрождение было явлением гораздо более важным и всеобъемлющим, чем просто пробуждение интереса к классическому знанию. Но совершенно точно, что оживление тяги к знаниям, пришедшее вместе с беженцами из Византии, наложило свой неизгладимый отпечаток на зарождавшееся гуманистическое движение. Тот факт, что в течение четырех веков после этого слово «ученость» означало прежде всего знание греческих и латинских авторов, а греческий язык считался главным признаком свободного образования, в немалой степени был вызван миграцией византийских педагогов на За-

пад, происходившей именно в тот момент, когда Запад проснулся от долгой интеллектуальной спячки.

В наши дни с развитием более широкого спектра разных наук, классическое представление об учености, данное нам Возрождением, начало сдавать позиции. С другой стороны, мы с каждым днем все больше осознаем важность еще одного события, ставшего результатом турецких завоеваний на Востоке, а именно открытия Америки.

Нельзя забывать, что до падения Константинополя существовала активная торговля между Европой, с одной стороны, и Китаем и Индией – с другой, и флуктуации в этой восточной торговле имели прямое отношение к подъему и падению нескольких крупных европейских городов. Богатые и знатные европейцы требовали, чтобы у них при любых обстоятельствах была возможность получать изысканные шелка из Китая, специи из Ост-Индии и красивый набивной хлопок из Индии.

В старые времена из всех европейцев почти абсолютную монополию на восточную торговлю имели греки, и Константинополь во многом был обязан ей своим богатством и большой численностью населения (около двух миллионов). В ходе постепенного упадка греков, точнее Восточной Римской империи, итальянские города, особенно Венеция и Генуя, обеспечили себе значительную долю в торговле с Востоком и наладили торговые пути, по которым коммерция шла на постоянной основе.

В XII в., за два века до установления прямых связей по морю между Европой и Востоком, итальянские купцы (включая знаменитого Марко Поло) проложили путь вокруг Китая (Индокитая) и Индии и познакомили европейцев с богатствами этих стран. Среди тех, кто жил в Поднебесной империи, был один итальянский епископ и множество миссионеров. В результате этих контактов то, что с давних времен являлось предметами роскоши на Востоке, стало восприниматься в XIV и XV вв. как необходимость людьми в Европе.

Как раз в это время произошло завоевание в 1453 г. Константинополя турками, уничтожившее первые всходы евразийской коммерции. Укрепив свою позицию, турки, которые раньше разрешали европейским караванам проходить по своим территориям, положили конец любым прямым сухопутным связям между Европой и более отдаленным Востоком. Сначала европейцам позволяли продолжать торговлю с турецкими посредниками, но вскоре чрезмерные трудности такого способа стали очевидны, и когда-то широкий поток азиатских товаров на Запад превратился в тонкий и нерегулярный ручеек.

Именно эта внезапная остановка торговли с Востоком подтолкнула тех европейцев, которых манил дух странствий и приключений, начать искать другой способ обеспечения прямых контактов между Европой, Китаем и Индией. Поскольку турки, казавшиеся непобедимыми, контролировали все возможные пути, ведущие на Восток по суше, необходи-

мо было, чтобы новые пути пролегали по морю. Но помимо двух очевидных путей существовал и третий, менее очевидный и казавшийся фантастическим, – тот, который пришел в голову Христофору Колумбу.

Поскольку европейцам было хорошо известно, что и Китай, и Индия омываются морями, казалось очень вероятным, что достичь этих стран, о которых они мечтали, можно, если плыть из Европы северным путем вдоль побережья Евразии или южным путем вдоль Африки.

Англичанам в значительной степени принадлежат попытки проложить путь в Китай по северному пути через Арктику. Их попытки закончились неудачей благодаря возникавшим на этом пути климатическим трудностям. Но именно благодаря этим попыткам англичане вступили в прямой контакт с Русской империей и, таким образом, самым важным результатом этих попыток стало посольство, отправленное королевой Елизаветой ко двору царя Ивана Грозного, после чего какое-то время казалось, что между этими народами возможно установление определенного союза.

Основные заслуги в развитии прямого морского сообщения между Европой и Востоком по пути, проходящем вокруг Африки, принадлежат португальцам. Васко да Гама обогнул мыс Доброй Надежды всего через пять лет после падения Константинополя, и с тех пор почти сто лет португальцы практически господствовали в восточных морях. Побережья Ирана и Индии, Малаккский пролив и южное побережье Ки-

тая находились под влиянием европейцев в гораздо большей степени, чем в те дни, когда связь между Востоком и Западом ограничивалась путями по суше, поэтому окончательный разрыв сухопутных связей способствовал не падению, а бурному росту торговли между Европой и Азией. Когда в португальской торговле с Востоком начался спад, на Востоке появилась голландская компания, расширившая и политические и коммерческие отношения между Востоком и Западом. А когда Голландия, в свою очередь, сократила свою торговлю, ее место с готовностью заняли Франция и Англия.

Безусловно, именно этот южный путь привел к европейской гегемонии в Азии, но еще интересней оказалось то, что попытки найти более короткий путь в Азию привели к открытию Америки. Не стоит забывать, что путешествие Колумба носило не просто познавательный характер. Его целью было не открытие новых неизвестных земель или составление карты новых неизведанных морей. Его цель состояла всего лишь в том, чтобы посмотреть, можно ли, плывя на запад, достичь Востока. Он вез с собой письма не к суверенам каких-то земель, которые сможет найти, а к Великому хану, в Китай, и Колумб умер счастливым не оттого, что открыл новый континент, а оттого, что верил, будто доплыл до островов, находящихся недалеко от Индии.

Роль, которую играл Восток в открытии Америки, как и попытки открыть западные пути взамен тех, которые закрыли турки, не окончилась после Колумба. Джон (Джованни)

Кабот – итальянец, служивший англичанам, в 1497 г. отплыл из Англии на запад в поисках Зипангу, или Японии.

В 1576–1578 гг. Мартин Фробишер по поручению Китайской компании искал северо-западный проход между материком и Гренландией. А Генри Гудзон по поручению голландской Ост-Индской компании на корабле «Полумесяц» в 1609 г. сел на мель в районе Олбани, пытаясь найти проход через реку Гудзон в Китайское море.

До сих пор мы говорили только о месте, которое Центральная Азия занимала в прошлом. Но это не значит, что нагорье, горные долины и люди, которые до сих пор их населяют, не достойны серьезного изучения всеми теми, кто занимается международными отношениями.

Из сказанного выше следует, что на протяжении истории Центральная Азия играла важную роль в том, как развивались события в мире. Таким образом, очевидно, что изучение истории самой Центральной Азии, которой так упорно пренебрегали в прошлом, представляет интерес и ценность.

Настоящий труд, посвященный подъему и падению ранних скифских и гуннских империй, является предисловием к изучению более поздних империй, которые господствовали в Центральной Азии и оказали влияние на всю Азию и половину Европы.

Книга первая

Арийская предыстория

Глава 1

Древние обитатели Туркестана

На самом деле ранняя история Центральной Азии нам до сих пор неизвестна. Некоторые ученые придерживаются мнения, что этот регион – колыбель всего человечества, но доказательств у нас пока нет. Где бы ни зародилось человечество, ясно, что в самый ранний период Центральная Азия была не просто обитаемой, но заселенной людьми с высоким уровнем культуры.

С учетом более поздней истории Туркестана, как сердцевины Центральной Азии, и его глубинных связей с кочевыми народами, довольно странно обнаружить, что изучение археологического материала, полученного в последние годы, приводит нас к заключению, что одно время большую часть Туркестана занимал народ или, скорее, группа народов (среди них, несомненно, были люди разных рас и языков), которых можно назвать общим именем «вазовые художники». Эта группа народов была более или менее оседлой и занималась прежде всего земледелием.

Археологическое изучение Центральной Азии пока находится на начальном этапе, так что у нас нет точной информации в отношении территории и времени существования цивилизации вазовых художников. Но раскопки, проведенные под руководством Пампелли вблизи маленькой деревушки Анау (близ Ашхабада в Туркмении) в Южном Туркестане, пролили достаточно много света на то, какими был образ жизни и обычаи древних обитателей Центральной Азии.

Из раскопок, проведенных в этом месте, очевидно, что древние обитатели Анау, далекие от того, чтобы переходить с места на место, селились в городах и деревнях и жили в домах, сделанных из высушенных на солнце кирпичей. Центральным элементом экономической жизни людей из Анау было земледелие, основными культурами – пшеница и ячмень. Мясо они получали исключительно с помощью охоты на диких животных, обитавших по соседству. Как они ловили этих животных, остается загадкой, поскольку ни копий, ни стрел обнаружено не было.

Но самое замечательное, что в течение долгого времени эти древние обитатели Южного Туркестана не использовали одомашненных животных, даже собак. Только через несколько веков после возникновения поселения в Анау его жители познакомились с такими домашними животными, как собаки, лошади, крупный рогатый скот, овцы и свиньи.

Самое раннее поселение в Анау относится к тому времени, когда человечество пользовалось в основном кремне-

выми и каменными инструментами, но уже познакомилось с использованием меди. Наиболее удивительной особенностью этой цивилизации была ее керамика, поскольку, хотя эти древние люди не знали гончарного круга, их керамика имела очень изящную форму и была расписана геометрическими рисунками, демонстрирующими высокое художественное мастерство.

Сам Пампелли считал, что возникновение цивилизации в Анау следует отнести к 8000-м гг. до н. э. Такое утверждение, несомненно, является преувеличением, но большинство авторов готовы согласиться с тем, что поселения в Анау существовали с 4-го тысячелетия до н. э. и, следовательно, являются современниками зарождения культурной жизни в Египте и Месопотамии.

Конечно, мы ничего не знаем о языковой принадлежности этих древних обитателей Южного Туркестана и имеем лишь скудные указания на их расовую принадлежность. Но принимая во внимание тот факт, что мы долгое время привыкли считать Центральную Азию родиной монголов, или монголоидных народов, интересно увидеть, что скелетный материал, найденный в Анау, демонстрирует принадлежность людей, живших на этой территории, к европеоидной, или «белой», расе. Фактически создается впечатление, что большинство из них близки к так называемой «средиземноморской расе», расе, которая до сих пор преобладает в Южной Европе.

Очень интересны сравнения, проведенные между цивили-

зацией Анау и культурой, возникшей на юго-западе России и на севере Румынии, которую обычно называют «культурой Триполья». Обитатели этого региона, как и жители Анау, занимались в основном земледелием. Они тоже изготавливали красивую и своеобразную расписную керамику. Это всего лишь две особенности из тех, что приводят нас к мысли о связи культуры Триполья с Востоком в целом и с Туркестаном в частности.

Не менее важен тот факт, что за последние несколько лет в Северном и Северо-Западном Китае были обнаружены образцы очень древней расписной керамики. Сходство между этой керамикой и той, которая была найдена в Анау и в Триполье – особенно с последней, – привело многих ученых к выводу, что эта древняя китайская керамика появилась в результате воздействия Запада⁶.

Данная теория плюс тот факт, что в Древнем Китае возникали земледельческие общины, занимавшиеся выращиванием пшеницы, проса и ячменя (культуры, вероятно, одомашненные сначала на Ближнем Востоке), добавляют веса гипотезе, согласно которой, хотя китайская раса, вероятно, является коренной расой Китая, началу развития китайской цивилизации положили контакты с Центральной Азией.

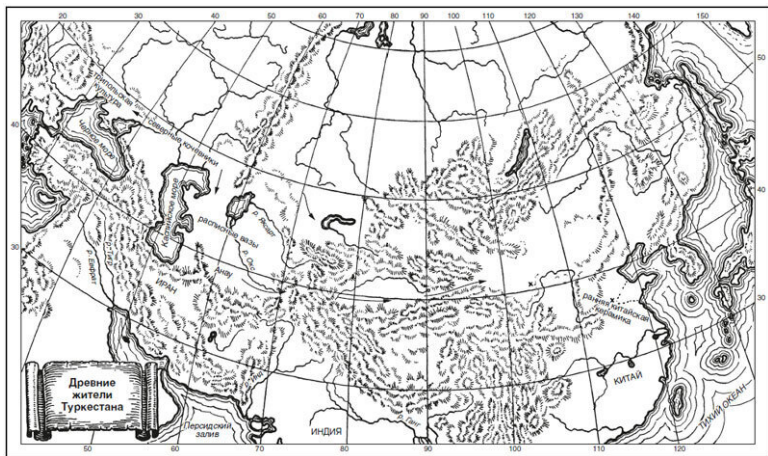
Ярким контрастом по сравнению с земледельцами вазовыми художниками была полукочевая цивилизация, возникшая на юго-востоке России и в Северном Туркестане. Ввиду

---

⁶ Имеется в виду так называемая культура Яншао 3-го тысячелетия до н. э.

огромной значимости этих кочевников в более поздней истории, очень жаль, что мы так мало знаем об их истинном происхождении. До сих пор невозможно сказать, кто они: исконные жители этого региона или мигранты из ка кого-то другого места. Но в любом случае они наверняка появились в этом регионе не позднее 3-го тысячелетия до н. э.

Мы можем произвести частичную реконструкцию жизни этих кочевников, изучая так называемые «могильники с красной охрой», разбросанные по разным частям Юго-Восточной России.

Из этих могильников было извлечено большое количество скелетов, и по этим скелетам видно, что большинство этих

«северных кочевников» были высокими людьми с вытянутой головой. Мы, естественно, не знаем, каким был цвет их глаз и волос, но, судя по близкому сходству их костной структуры со строением современных обитателей Северной Европы, можно смело сделать вывод, что они принадлежали к «нордическому» типу. Однако нужно помнить, что ни одной расе не удалось сохраниться в чистом виде, и весьма вероятно, что после самого раннего периода северные кочевники смешивались со своими соседями, большая часть которых принадлежала к другим группам «белой» расы, таким как средиземноморский тип (невысокий, темноволосый, с вытянутой головой).

Нет нужды говорить, что у северных кочевников не было ни литературы, ни письменности, так что у нас нет прямых указаний, на каком языке они говорили. Однако, проштудировав большой объем косвенных указаний, подавляющее большинство ученых пришли к выводу, что они говорили на арийских (индоевропейских) языках, иными словами, очень близких к таким языкам, преобладающим на большей части Европы, как греческий, латынь, германские, кельтские языки.

Некоторые ученые считают, что народы, говорящие на индоевропейских языках, произошли из Северной Европы, а кочевые обитатели Туркестана просто мигрировали в этот регион со своей истинной родины где-то на Балтийском море. Другие ученые, которые теперь составляют большин-

ство, предпочитают думать, что истинная родина индоевропейских народов – это Южная Россия и Северный Туркестан и что нынешние обитатели Западной Европы получили свой язык и значительную часть своей древней культуры от различных групп, мигрировавших на запад из Центральной Азии. До сих пор мы не можем решить эту важную проблему, но на данный момент можно сказать, что по количеству доказательств и приверженцев преобладают те, кто поддерживает теорию о центральноазиатском происхождении индоевропейской языковой семьи. При попытке изучить образ жизни и обычаи северных кочевников мы сталкиваемся с большими трудностями. Подлинные исторические данные почти полностью отсутствуют, поэтому мы вынуждены полагаться на доступные отрывочные археологические свидетельства и на факты, которые обнаруживаются в исследованиях по сравнительной филологии.

Судя по этому материалу, получается, что в определенных чертах эти кочевники не слишком сильно отличаются от ранних вазовых художников. Как и последние, эти кочевники были знакомы с земледелием. И, как и последние, в тот момент, когда мы впервые сталкиваемся с их существованием, эти кочевники еще использовали различные каменные орудия, но уже знали о ценности меди и бронзы. К использованию железа они пришли несколько позднее. Кроме того, эти кочевники тоже изготавливали керамику, хотя их горшки разительно отличались по форме от гораздо более худо-

жественных изделий вазовых художников. Но в отличие от вазовых художников, которые были оседлым народом, северные кочевники, как и предполагает их название, переходили с места на место и в результате были вынуждены в основном заниматься скотоводством, используя животных в пищу и в качестве транспорта.

Особый интерес для нас представляет тесная связь, установившаяся между северными кочевниками и лошадьми. Известно, что с самых ранних времен лошади существовали в разных частях Древнего мира. Они определенно были известны вазовым художникам из Анау, людям из Триполья и людям из Северо-Западного Китая. Но для этих народов они оставались малосущественным приложением. С другой стороны, у северных кочевников лошадь играла важную роль, и распространение этих кочевников на другие регионы почти всегда связано с распространением лошадей и искусства верховой езды.

Теперь мы должны ответить на вопрос, как и когда произошло распространение этих кочевников. Данные, для того чтобы делать какие-то заключения, крайне скудны. Но в целом все сходится во мнении, что незадолго до 2-го тысячелетия до н. э. имело место большое переселение народов, возможно, по причине какого-то изменения климата. Примерно в это время арийские обитатели Центральной Азии начали оказывать давление на все окружающие их регионы. В любом случае эта экспансия должна была проходить срав-

нительно медленно, потому что кульминации она достигла только к 1-му тысячелетию до н. э., то есть на тысячелетие позже.

Весьма вероятно, что эта медленная, но устойчивая экспансия из Центральной Азии шла в нескольких направлениях. Наименее затронутым этой миграцией оказался регион севера, возможно, из-за густых лесов Сибири и Северной России. В более позднее время присутствие арийцев в Кашгарии или Восточном Туркестане вплоть до границ с Китаем показывает, что в определенном количестве наверняка имела место миграция на восток. Кроме того, несомненно, что многие из арийских обитателей Туркестана пошли на запад через степи Южной России⁷, которые с точки зрения географии являются продолжением степей Центральной Азии. Однако об их экспансии в восточном и западном направлении мы имеем лишь разрозненные данные.

Совсем иначе обстоит дело в отношении миграции на юг, и, хотя многие фазы этой южной миграции нам неизвестны, мы, по крайней мере, можем восстановить общие контуры и основные особенности того, как проходила миграция в этом направлении. Представляется ясным, что незадолго до 2-го тысячелетия до н. э. определенные арийские племена двинулись из Северного Туркестана на юг и заняли доминирующее положение практически во всем Южном Туркестане. Более

---

⁷ Именно степи и лесостепи юга России и Украины от Днепра до Урала и далее до Алтая были прародиной индоевропейцев.

ранние обитатели этого региона по большей части исчезли или были поглощены этими пришельцами, хотя есть вероятность, что какие-то мелкие группы просуществовали достаточно долго, но только в качестве данников или вассалов господствовавших арийских племен. Все известные факты приводят нас к мысли, что центром арийской власти этого периода была часть Южного Туркестана, известная как Бактрия – регион, располагающийся к северу от гор Гиндукуш.

Со временем этот арийский народ или группа народов, обнаружив, что Южный Туркестан не способен обеспечить их насущные нужды, двинулась дальше на юг. Вскоре они добрались до северо-восточной части Иранского нагорья и стали хозяйничать в этом регионе.

Вероятно, у этих древних арийцев не было ничего похожего на централизованную политическую структуру. По-видимому, захватчики были раздроблены на множество племен и еще более мелких групп, каждая из которых обладала полной свободой действий. Некоторые мелкие группы более предприимчивые, чем остальные, быстро двинулись на запад и, превратившись в группы военной аристократии, вскоре создали несколько значимых гособразований в разных частях Ближнего Востока.

Именно этим небольшим группам авантюристов мы обязаны первым упоминаниям арийских имен в древних клинописных записях месопотамских империй. В период между 1900 и 1500 гг. до н. э. мы отмечаем внезапное появление

целого ряда «варварских» народов, уничтоживших большую часть существовавших тогда империй и создавших свои царства, многие из которых существовали в течение нескольких веков.

Среди варваров, которые, как мы знаем, правили в этот период в различных частях Ближнего Востока, можно назвать касситов, завоевавших Вавилонию, Митанни, государства в верхней части бассейна Евфрата и другие более мелкие государства в Сирии. Исследования показали, что эти варвары в целом говорили на языках, которые не относятся к арийским, но в каждом случае в записях, касающихся их, мы встречаем большое количество собственных имен, арийских по своему характеру. Существование этих имен привело научный мир к выводу, что все эти народы были организованы в политические объединения, управлявшиеся небольшой группой арийских вождей. Более того, все согласны, что эти вожди наверняка пришли с востока, и это указывает, что оккупация Иранского нагорья арийцами уже шла полным ходом.

Тем не менее нужно иметь в виду, что древние арийские авантюристы на Ближнем Востоке знаменовали собой лишь переходный период. Им не удалось утвердить свой расовый тип и свой язык в царствах Сирии и Месопотамии, где они в какой-то момент играли такую важную роль. На самом деле эти арийские авантюристы были поглощены окружающим их населением. Постоянная «ариезация» Ближнего Востока

произошла не за счет этих воинов-авантюристов, а за счет основного потока арийских племен, которые поначалу оставались за пределами Восточного Ирана, но медленно продвигались вперед по окружающим его территориям.

Одна часть этих племен, следовавшая по следам авантюристов, медленно продвигалась на запад и юго-запад и в конце концов заполонила все Иранское нагорье. Оттесняя все попадавшие на пути народы, жившие на этой территории, они в результате стали непосредственными соседями семитов, которые составляли значительную часть населения Месопотамии и примыкающих территорий. Большая часть семитов того периода были подданными Ассирийской империи, и именно из записей, сделанных в этой империи, мы получаем первые четкие упоминания о мадиях, или мидиях (мидянах), и парсуаш (предположительно персах) – двух арийских народах, которым в дальнейшем суждено было создать на Востоке великие империи. Первое упоминание об этих народах относится к 836 г. до н. э., и из этого факта мы можем заключить, что как минимум в это время арийцами была оккупирована большая часть Иранского нагорья.

Другая ветвь арийцев вместо того, чтобы пойти на запад, постепенно двигалась на юго-восток, и, в конце концов, ей удалось захватить всю Северную Индию, вытесняя темнокожих дравидов, которые раньше занимали этот регион. Сначала арийские захватчики довольствовались бассейном Инда (изначально Синду, или Хинду) на северо-западе Индии,

но потом им удалось обеспечить себе контроль над бассейном Ганга и над значительной частью полуострова, известной как Деканское плоскогорье. У нас нет точных сведений относительно даты арийского нашествия в Индию, но в целом считается, что это событие имело место до 1000 г. до н. э.⁸

---

⁸ Арийцы вторглись в Северную Индию около 1600 г. до н. э., разгромив цивилизацию Хараппы – Мохенджо-Даро.

Глава 2

Скифы и сарматы севера

До сих пор мы говорили о народах, появившихся на самой ранней заре истории, сведения о которых далеки от того, чтобы называться точными. Но начиная с VII в. до н. э. археологические находки начинают дополняться документальными свидетельствами. Сначала эти свидетельства несколько отрывочны, но с течением времени записи становятся более полными, и мы можем получить вполне адекватное представление об образе жизни и обычаях различных народов, появлявшихся и исчезавших в Туркестане.

На протяжении этого исторического периода существовало резкое различие между Северным Туркестаном и Южным Туркестаном. Несмотря на то что люди, обитавшие в этих двух регионах, в целом произошли от одного корня и имели много общих культурных особенностей, теперь они считали друг друга не соплеменниками, а скорее ярыми соперниками и врагами. Северный Туркестан исторически и культурно был связан со степями Южной России, и большую часть имеющейся у нас информации о нем мы получили от греческих колонистов, обосновавшихся на северном побережье Черного моря. С другой стороны, Южный Туркестан был более тесно связан с Иранским нагорьем. Когда персам наконец удалось установить контроль над Иранским нагорьем, Южный

Туркестан тоже вошел в состав Персидской империи, и в результате наша информация в отношении обитателей Южного Туркестана того периода во многом почерпнута из древних персидских надписей и от тех греков, которые интересовались историей Персии.

Давайте посмотрим, что греческие записи и современные археологические находки могут рассказать нам о народах Северного Туркестана и их сородичах, обитателях Южной России. Ранние греческие летописцы оставили нам названия множества отдельных племен, которые в разное время населяли различные части этой огромной территории. Нам нет необходимости перечислять все эти названия, поскольку сами греки признавали тесную близость между большинством из этих племен и делили их на две основные группы: скифы и сарматы. Даже между скифами и сарматами было огромное множество общих черт, из-за чего название «скифы» часто употребляется для обозначения всех обитателей этого степного региона в рассматриваемый нами период. Следуя греческой традиции, мы можем называть скифами все народы, населявшие Северный Туркестан того периода. Но, даже делая это, мы должны помнить, что во многих отношениях существовали резкие различия между собственно скифами, которые жили западнее, и сарматами, обитавшими восточнее.

Согласно греческим преданиям, самыми ранними обитателями Южной России были загадочные люди, известные как киммерийцы, которые упоминаются и в ассирийских за-

писях под названием «гимирру». На самом деле о них известно мало. Весьма вероятно, что киммерийцы были дальними родственниками скифов, изначально пришедшими из Центральной Азии, но на данный момент мы должны оставить этот вопрос открытым, поскольку киммерийцы исчезли с исторической сцены очень рано, не оставив после себя практически ничего, кроме названия.

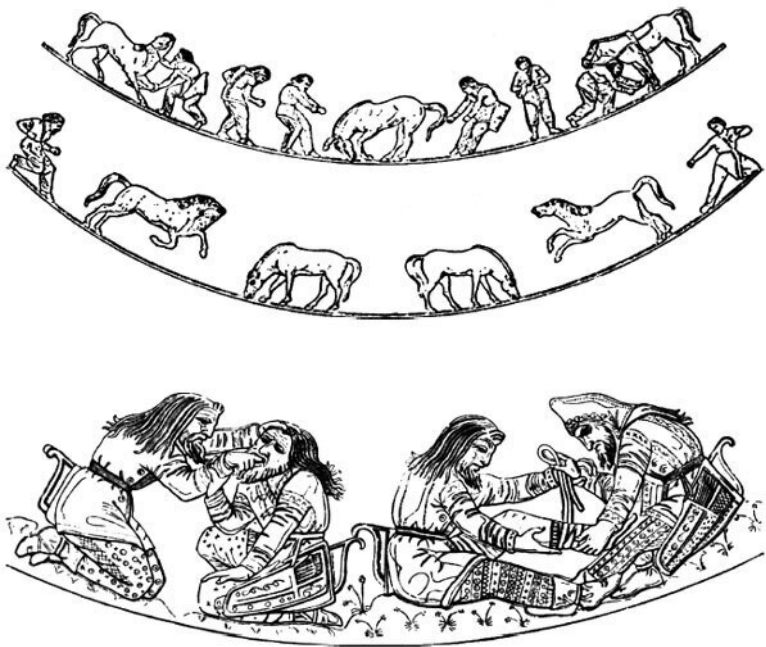
В анналах истории значится, что на смену киммерийцам пришли собственно скифы. Из греческих хроник ясно следует, что эти скифы первоначально обитали в Северном Туркестане⁹ и были вынуждены мигрировать только под давлением кого-то из своих соседей. В письменных исторических источниках они появились, когда, покинув Туркестан, сами вытеснили киммерийцев и сделались хозяевами степных земель Южной России. Существуют сомнения по поводу точного времени их завоеваний. Известно, что в VII в. до н. э. скифы уже хозяйничали в степях Южной России, но вполне возможно, что их миграция в этот регион имела место, как минимум, за один или два века до этого.

Не удовлетворенные своим господством в огромной империи на юге России, они часто совершали набеги на другие регионы. Археологические свидетельства говорят нам, что в самый ранний период одна из ветвей скифов обосновалась далеко на западе, на месте современной Румынии и Венгрии.

---

⁹ Беседуя с Геродотом, скифы говорили, что их прародина – Приднестровье, куда они и вернулись.

Из исторических свидетельств известно также, что в VII в. другая группа скифов переместилась на юг через Кавказ и появилась в Армении и Мидии, как раз в то время, когда ассирийцы и мидяне воевали за господство на Ближнем Востоке.

Изображения скифов с греческой вазы

Скифы вступили в войну в качестве союзников Ассирии,

и в результате мидяне были временно разбиты, а окончательный триумф Мидийской империи оказался отсрочен почти на три десятилетия. Геродот сообщает нам, что скифам, которые сражались с мидянами, в конце концов пришлось вернуться к себе домой в Южную Россию. Это вполне может быть справедливым для большинства племен, но если судить по другим источникам, некоторая часть скифов осела в разных частях Малой Азии, где им на протяжении нескольких веков удавалось вести независимое существование. Но, несмотря на эти вторжения на запад и юго-восток, подавляющее большинство скифов оставалось в Южной России, ставшей для них новой родиной.

С VII по V в. до н. э. центр скифской империи находился в Южной России, неподалеку от реки Дон. Однако, в конце концов, давление с востока вынудило скифов двинуться на запад. Археологические находки показывают, что в течение IV и III вв. до н. э. скифские цари держали свой двор в степных землях на севере и северо-западе Крыма.

Мы очень мало знаем о том, как протекало внутреннее развитие скифов в этот период, и в истории скифское царство упоминается только в связи с его контактами с той или иной крупной империей. Так, например, известно, что великий правитель Персии Дарий I вел войну со скифами вскоре после того, как ступил на землю Европы, и непосредственно прямо перед тем, как он предпринял не удавшуюся попытку завоевать Грецию.

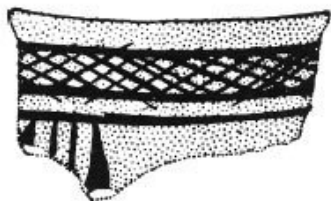
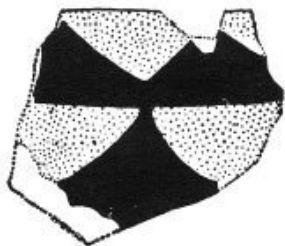
Более века спустя Филипп II Македонский, отец знаменитого Александра, стал участником конфликта с правителем скифов Атеем, разбив его. Вскоре после этого военные действия между Македонией и империей скифов возобновились, поскольку до нас дошли сведения о том, что, пока Александр был занят завоеванием Азии, один из его военачальников, Зопирион, предпринял в 331 г. до н. э. кампанию против скифов, и эта кампания закончилась полной катастрофой¹⁰.

Помимо этих конфликтов с «великими державами», скифы вступали в контакт – и очень близкий контакт – с греческими колониями, разбросанными по северному побережью Черного моря. Скифы никогда не были мореплавателями и редко демонстрировали какое-либо желание завоевать или уничтожить эти колонии, которые – все до единой – своим существованием были обязаны морской торговле между их родиной и Южной Россией. Но хотя скифы были заинтересованы в дальнейшем существовании греческих колоний, они частенько облагали их тяжелой данью, которую считали платой за то, что оставляли греков в покое. Таким образом, контакты, установленные между греками и скифами, имели большое значение. Греки могли обеспечивать свою родину сырьевыми ресурсами, особенно зерном, а скифы либо посредством дани, либо торговлей получали множество бес-

---

¹⁰ Скифы помогли греческой колонии Ольвии, разбив, как утверждают, 30-тысячное войско Зопириона, которое на обратном пути по морю погибло от бури.

ценных предметов искусства, созданных руками греческих ремесленников. Многие из этих предметов были изготовлены специально для торговли со скифами и представляют собой любопытное смешение греческих и скифских художественных мотивов.

Фрагменты древней посуды из Центральной Азии. *Слева* – Северный Китай (Хонань); *справа* – Туркмения (Анау)

Недавние археологические находки показали, что многие из этих предметов греческого производства, в первую очередь сохранившиеся у скифов, постепенно перемещались на восток к сердцу Центральной Азии. Некоторые из них были найдены даже в далекой Монголии. Этот факт приобретает первостепенное значение, когда мы начинаем рассматривать происхождение многих художественных форм, в дальнейшем получивших развитие у народов Туркестана.

Скифская империя (квазиимперия) долгое время могла сохранять господство над многими греческими колониями, разбросанными по побережью Черного моря. Более того, скифы, как мы видели, практически на равных воевали с великой Персидской и Македонской империями, но только до тех пор, пока не получили смертельный удар с востока. Во II–I вв. до н. э. их держава была уничтожена, хотя отдельным разрозненным скифским племенам, нашедшим убежище в различных удаленных районах, удалось поддерживать существование еще в течение нескольких веков. Среди таких районов нам лучше всего известен Крымский полуостров и Добруджа, этот удивительный уголок современной Румынии, который расположен непосредственно к югу от устья Дуная.

Упадок и окончательное падение скифов произошло по-

что исключительно из-за вторжения их дальних родственников – сарматов. Все долгие века, когда скифская империя находилась на вершине своего могущества, сарматы и целый ряд близких к ним народов продолжали оставаться в Северном Туркестане, однако благодаря труднодоступности этого региона мы очень мало знаем о ходе их внутреннего развития, имевшего место в этот период.

Когда мы переходим к рассмотрению тех немногих фактов, которые нам известны, мы обнаруживаем, что название «сарматы», хотя изначально оно относилось к одному-единственному племени, вскоре стало использоваться как общий термин для обозначения множества различных, но, безусловно, близких племен, разбросанных по разным частям Центральной Азии. Среди этого множества племен только три или четыре имеют достаточное значение, чтобы быть упомянутыми отдельно.

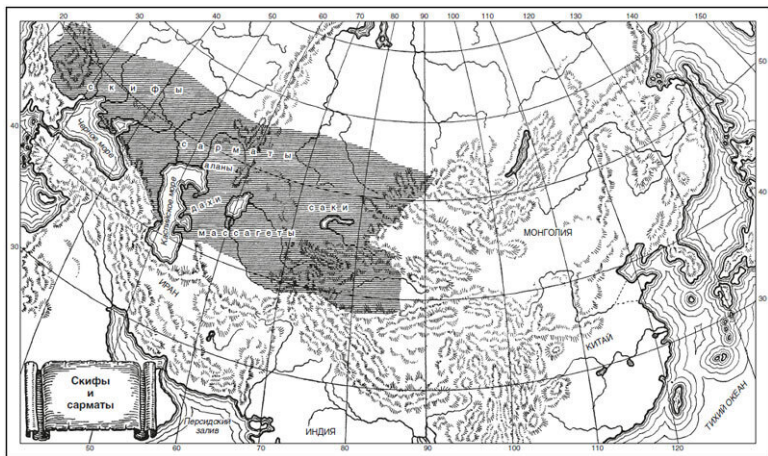
В ранние времена (VI в. до н. э.) большая часть Северного Туркестана – в особенности Северо-Западный Туркестан – находилась в руках племенной группы, которую греческие историки именовали «массагеты». Эти массагеты доставляли множество хлопот ранним правителям Персидской империи. Геродот пишет, что основатель Персидской империи Кир II Великий встретил свою смерть (в 530 г. до н. э. в районе хребта Большой Балхан), сражаясь с этим народом. Власть массагетов продлилась несколько веков, но во II в. до н. э. господство над Северным Туркестаном перешло в руки

другой группы под названием «аорсы». Три века спустя (в I в. н. э.) аорсов сменили аланы.

Среди различных народов, обитавших в ранние времена в Северном Туркестане, возможно, самым интересным и значимым были аланы, благодаря той роли, которую им позже суждено было сыграть в истории. Появившись в Центральной Азии, они в дальнейшем, как мы это увидим, распространились по разным частям мира. Одна ветвь аланов в конце концов мигрировала в Испанию и Северную Африку, и их кровь до сих пор течет в жилах народов, населяющих эти территории. Другая ветвь аланов проделала путь на северные склоны Кавказских гор, и эта ветвь под названием «осетины» до сих пор говорит на своем древнем языке и сохраняет свою этническую идентичность, пройдя сквозь века и являясь единственной из множества сарматских групп, пережившей все разрушительные воздействия времени.

В то время как в период до и сразу после рождения Христа на равнинах Северного Туркестана поочередно господствовали массагеты, аорсы и аланы, северо-восточная часть Туркестана находилась в руках нескольких других племенных групп, имевших схожую культуру и говоривших на том же, что и вышеупомянутые группы, или по меньшей мере близко связанном с ним языке. Так в регионе, непосредственно примыкающем к северному руслу реки Яксарт (Сырдарья) и включающем в себя бассейн реки Или и северные склоны Небесных гор (Тянь-Шань), жили саки. В свое время огром-

ные полчища саков могли доставлять много хлопот Персидской империи, разоряя ее приграничные земли. В другие времена саки в большом количестве поступали на службу Персидской империи. Отряды этих саков считались самыми прославленными военными частями во всей Азии. В более поздние времена, когда Александр Великий вторгся в Центральную Азию, саки снова вышли на сцену, и молодой завоеватель мира был вынужден участвовать в нескольких кровопролитных сражениях с племенами саков, чтобы обеспечить стабильность и порядок на аванпостах своей широко раскинувшейся империи.

Сакам, как и их соседям, аланам, суждено было сыграть

важную роль в более поздней истории. Но если аланы распространились на запад в Европу, то саки для своих дальнейших действий выбрали земли к югу от них и одно время были хозяевами значительной части Южного Ирана и Северной Индии.

К северу от саков жила еще одна важная племенная группа, известная нам только под именем «кангюй», данном им древними китайскими историками – единственными людьми, сделавшими записи о существовании этого народа в ранние времена. Но, несмотря на то что эта группа не упоминается ни персидскими надписями, ни греческими историками, кангюям было суждено сыграть значительную роль в дальнейшей истории Центральной Азии и, следовательно, необходимо отметить их существование в Северном Туркестане в ранние времена.

К востоку от саков и кангюев жили различные племена, которые мы можем причислить к общему названию сарматы. Возможно, что некоторые из этих сарматских племен одно время занимали западную часть Монгольского плато. Можно с уверенностью сказать, что народы, тесно связанные с сарматами, как в смысле расы, так и в смысле языка, занимали большую часть Кашгарии, или Китайского Туркестана. Но все эти восточные племена известны нам в основном из китайских источников и исторически ассоциируются с несарматскими племенами Монголии, так что нам лучше будет обратиться к ним, когда мы будем обсуждать возникновение в

Восточной Азии империи гуннов.

Нам очень мало известно о событиях и внутреннем развитии обитателей Северного Туркестана того периода, поскольку современные им летописцы редко считали их достойными отдельного описания, и упоминали их только тогда, когда они нарушали границы или причиняли вред какому-либо из тогдашних великих царств. Поэтому наши знания о сарматах в основном ограничиваются тем давлением, которое они оказывали на обитателей сопредельных регионов.

Как и в более ранние времена, огромные сибирские леса препятствовали массовой миграции на север. Из исторических документов мы знаем, что сарматские племена часто предпринимали набеги на Южный Туркестан и, несомненно, бросали жадные взгляды на Иранское нагорье. Но до тех пор, пока существовала мощная и хорошо организованная Персидская империя, для сарматов было практически невозможно продвинуться в этом направлении на постоянной основе.

Присутствие сарматских или полусарматских племен в Кашгарии и в самой западной части Китая показывает, что сарматы оказывали достаточно сильное давление в восточном направлении, но из письменных исторических источников мы знаем, что самым успешным направлением их экспансии было направление через степные земли Южной России на запад. Как мы уже видели, скифские завоевания в

Южной России изначально шли из Северного Туркестана. Эти скифы, в свою очередь, были вытеснены различными сарматскими племенами, которые медленно, но неуклонно двигались на запад.

Теперь, закончив этот краткий исторический обзор, мы можем обратиться к обсуждению расовой, языковой и культурной связи различных скифских и сарматских племен. Прежде всего мы должны отметить, что, хотя в более поздние времена скифы и сарматы стали злейшими врагами, античные авторы практически единодушно называют эти две группы народами-братьями, и у нас есть все основания полагать, что изначально эти две группы пошли от одного общего корня.

Описания внешнего облика древних скифов и сарматов, которые давали классические греческие авторы, несколько двусмысленны и противоречивы, что в результате породило множество самых безумных спекуляций в отношении расовой принадлежности этих народов. Однако немногочисленные скелетные останки, найденные при раскопках скифских и сарматских захоронений, в сочетании с чрезвычайно реалистичными изображениями представителей скифских и сарматских племен, обнаруженными на персидских наскальных надписях, и в особенности на золотых греческих вазах, найденных при раскопках на юге России, дают достаточно четкое представление о том, что большинство обеих групп составляли люди одной из разновидностей белой расы.

Особенно важно отметить выступающие прямые и орлиные носы, глубоко посаженные глаза и длинные бороды и усы, которые носили скифы и сарматы, изображенные на греческих вазах. Эти черты являются ярким доказательством того, что монголоидный элемент, который мы позже находим по всей Центральной Азии, если и существовал в ранний период, то был крайне незначителен.

К сожалению, ни скелетный материал, ни изображения на вазах не дают никакого указания на природные цвета во внешности народов, которые мы рассматриваем. Но тот факт, что большинство найденных скелетов этого периода соответствуют нордическим скелетам из Западной Европы в сочетании с описанием, данным одним из классических авторов аланам – величайшим представителям сарматских племен, согласно которому они были высокими и светловолосыми, убеждает нас в том, что в течение скифского и сарматского периода нордическая раса была основной среди населения Центральной Азии.

В то же время следует отметить, что некоторые скелетные останки, относящиеся к этому периоду, демонстрируют определенные признаки круглоголовости. Однако эти круглоголовые черепа вовсе не являются монголоидными, и это только укрепляет нашу уверенность в том, что среди обитателей Центральной Азии была также достаточно широко представлена круглоголовая альпийская раса. Эти азиатские альпийцы, как и их отдаленные родственники, обитающие в

наши дни в Центральной Европе, хотя и являлись, безусловно, «белыми», но наверняка были темноволосыми.

Переходя от расы к языку, мы сразу сталкиваемся с трудностями. Ни скифы, ни сарматы никогда не испытывали потребности в использовании письменности, и потому в нашем распоряжении нет ни одной связной скифо-сарматской фразы. Ни один из греческих авторов не взял на себя труд составить список скифо-сарматских слов, и это значит, что мы должны оставить всякую надежду восстановить скифо-сарматский язык во всей его полноте.

Тем не менее нам посчастливилось иметь ряд важных намеков, которые помогут нам определить, по крайней мере, языковую группу, к которой относился скифо-сарматский язык. Многие античные авторы определенно указывают на то, что этот язык был очень похож на языки, на которых говорили мидяне, персы и парфяне, иными словами, что скифы и сарматы говорили на языке, который мы теперь называем иранским языком.

Данное утверждение представляется весьма убедительным на основании изучения скифо-сарматских имен собственных – имен людей, богов и названий мест, которые сохранили для нас греческие и римские авторы. Классические писатели были очень небрежны в транскрипции этих имен собственных, и в результате многие оказались настолько искажены, что стали непроизносимыми, но во множестве других случаев эти имена имеют явное сходство с иранскими.

Помимо имен и названий у нас есть другое косвенное доказательство, подкрепляющее утверждение, что древние скифо-сарматские языки имели близкую родственную связь с персидским. Важным фактом в этом отношении является то, что осетины, являющиеся прямыми потомками аланов, до сих пор говорят на очень архаичном варианте иранского языка, сильно отличающемся, но тем не менее имеющем тесное родство с ранним персидским языком. Не менее существенно то, что многочисленные остатки манускриптов, полученных при раскопках в Кашгарии и относящихся к раннему Средневековью, показывают, что обитатели этого региона, которые были по большей части дальними родственниками сарматов, говорили на иранских языках как минимум до IX в. н. э.

При таком большом количестве доказательств мы можем считать определенно установленным, что скифы и сарматы говорили на индоевропейских языках, в частности на языках, принадлежавших к индоарийской (индоиранской) группе. Более того, языки, на которых говорили в Северном Туркестане и окружающих его регионах, были ближе к иранским.

Переходя от лингвистических к культурным связям скифов и сарматов, мы должны прежде всего отметить одну или две замечательные особенности, резко отличающие их от большинства других индоевропейцев. Мы знаем, что с самых ранних времен все индоевропейцы наверняка были зна-

комы с лошадью, как и с некоторыми другими домашними животными. Но для большинства из индоевропейских народов использование лошади оставалось второстепенной особенностью и не препятствовало культурному развитию живших рядом с ними народов, никак не связанных с лошадьми и с верховой ездой. Так, например, использование домашних животных, включая лошадей, не помешало большинству этих народов развить свое примитивное земледелие до высокого уровня, в результате чего они быстро оставили свой полукочевой образ жизни и стали оседлыми.

В явном контрасте с этой линией развития мы видим, что скифы и сарматы, задержавшиеся на землях, использовавшихся исключительно как пастбища, утрачивали те небогатые навыки земледелия, которыми они когда-то владели, сосредотачивая свое внимание на разведении больших стад домашних животных, и лошадь для них играла еще большую роль. От классических авторов мы знаем, что все скифо-сарматские племена охотились на диких животных и что как минимум некоторые из них были опытными рыболовами. Несмотря на то что эти племена никогда полностью не теряли навыки возделывания земли, их достижения в охоте, рыболовстве и земледелии становились все меньше. При этом очевидно, что в своей экономической жизни скифы и сарматы все в большей степени полагались на разведение домашних животных.

Среди домашних животных самую важную роль играли

лошади, овцы и крупный рогатый скот. Нам совершенно ясно, что среди этих животных никогда не было свиней: факт, представляющий огромный интерес, если вспомнить, что у многих индоевропейских народов, обитавших в Европе, свиньи уже имелись в большом количестве. Мы уверены, что скифы использовали собак, но вся их жизнь вращалась вокруг лошади.

Домашние животные, безусловно, служили своим хозяевам постоянным источником пищи. В связи с этим интересно отметить, что помимо поедания говядины и баранины скифы и сарматы ели и конину, и, судя по всему, она считалась большим деликатесом. Однако более важным, чем любое мясо, были молоко и всевозможные молочные продукты.

По-видимому, молоко для еды изредка использовали и другие индоевропейские народы, хотя обычно оно было не столь важным элементом ежедневного рациона. С другой стороны, для скифов и сарматов оно стало (наряду с мясом) основным источником питания. Вероятно, как и другие индоевропейские народы, они употребляли коровье молоко, но очевидно, что самым важным элементом в их домашнем хозяйстве было кобылье молоко.

Более того, мы приходим к выводу, что скифы и сарматы, как и более поздние обитатели Центральной Азии, не столь часто использовали сырое молоко и что, как и в более поздние времена, его пили в основном дети или больные. Гораздо более существенным, чем употребление сырого молока,

было употребление кисломолочных продуктов, которые использовались в огромных количествах и составляли самый важный элемент ежедневного рациона. Кисломолочный продукт из кобыльего молока, который греческие авторы называли «оксигала», ничем не отличается от того, что в наши дни известен под тюркским названием «кумыс», и он до сих пор широко используется по всей Центральной Азии. Другой очень популярной среди древних скифов пищей, которая по-прежнему широко употребляется в Центральной Азии, был своеобразный молодой сыр из кислого кобыльего молока.

Нам известно, что помимо питья оксигалы или кумыса, скифы и сарматы очень любили пить виноградное вино. Виноград не растет на степных землях Туркестана и Южной России, но виноградарством и виноделием занимались греки, а также обитатели Южного Туркестана, так что у скифов и сарматов не возникало трудностей с тем, чтобы получить вино посредством бартерной торговли.

Кумыс готовили и хранили в деревянных емкостях. Для приготовления определенных блюд использовались кухонные котлы из кожи, но в большинстве случаев для готовки использовались медные казаны на ножках. Некоторые из этих древних казанов были обнаружены в последние годы во время раскопок. Нельзя сказать, что скифо-сарматские народы были совершенно незнакомы с керамикой, но из-за своей кочевой жизни они мало обращали внимания на предметы из керамики и их изготовление, предпочитая, по мере

возможности, более прочные изделия. Например, чаши для питья обычно делались из рога, однако мы знаем, что для церемониальных нужд употреблялись чаши для питья, сделанные из черепов убитых врагов. Классические авторы не упоминают емкостей из кожи, но весьма вероятно, что скифы, как и современные кочевники Центральной Азии, часто пользовались такими предметами.

Несмотря на то что скифы и сарматы могли обеспечить себе достаточно дерева для изготовления сосудов, у них были большие трудности с тем, чтобы раздобыть его в достаточном количестве, чтобы использовать как топливо, поскольку они жили на открытых степных землях, где росло мало деревьев и кустарников. Геродот пишет, что скифы использовали в качестве топлива высушенные кости, но эта информация, безусловно, ложна, поскольку кости не горят, какими бы сухими они ни были. По всей вероятности, для обогрева и приготовления пищи древние скифы и сарматы, как и современные жители Центральной Азии, активно использовали сухие навозные лепешки.

Одной из самых важных особенностей культурной жизни скифо-сарматов был тот факт, что все эти племена использовали лошадей в основном для езды верхом, а не как тягловую силу. На первый взгляд в этом нет ничего примечательного, но только до тех пор, пока не вспомнишь парадоксальный факт, что практически во всем остальном Древнем мире лошадь сначала стали использовать как тягловую силу и лишь

потом как средство передвижения верхом. Когда мы изучаем древнюю историю Китая, Индии, Месопотамии и Египта, то видим, что многие века после одомашнивания лошади езда верхом была либо неизвестна, либо играла крайне незначительную роль. Основным же способом использования лошади являлось перемещение тяжелых боевых колесниц. Даже среди тех индоевропейских народов, которые стали основателями культуры использования лошадей, искусство выездки ассоциировалось не с верховой ездой, а с управлением колесницей, запряженной лошадьми. Так греки гомеровских времен были хорошо знакомы с лошадьёю, но, по-видимому, использовали это животное практически только для езды на колесницах. До нас дошли сведения, что в VII в. до н. э. на Олимпийских играх проводились соревнования по скачкам верхом, но и тогда и многие века после этого гораздо большей популярностью у греков пользовались гонки на колесницах. Примерно в то же время (VII в. до н. э.) мы впервые слышим о конных воинах, но в греческой армии конница еще долгое время оставалась небольшим и относительно несущественным родом войск. И только во времена Александра Великого конница стала важным элементом эллинского способа ведения войны.

В Риме верховая езда, похоже, была известна с очень ранних времен, и ордена «всадников» являются подтверждением этого факта. От классических авторов мы знаем, что в римской армии конница составляла хорошо известный род

войск. Однако важно помнить, что с точки зрения численности и значимости она сильно уступала пехоте. Начиная с периода гражданских войн конница состояла в основном из иностранных союзников, но даже тогда численность конницы была строго ограничена. Типичный легион состоял из трех сотен всадников и шести тысяч пехотинцев. Подобно грекам, римляне предпочитали верховой езде езду на колесницах.

Древние германские и славянские племена использовали лошадь меньше. Достаточно активно ее использовали, главным образом, кельты, для которых конница была обычной составной частью армии. Но даже среди кельтских племен существовала заметная разница между теми кельтами, которые обитали на Британских островах, и теми, что обитали в континентальной Европе. Первые, как и большинство других индоевропейцев, зависели в бою в основном от боевых колесниц. И только кельты из Центральной Европы были отмечены как конные воины. Мы знаем, что еще в очень ранние времена кельты имели контакты со скифами, поэтому есть все основания полагать, что восточные кельты во многом переняли верховую езду от скифов.

Даже в самой Центральной Азии верховая езда наверняка получила распространение позже, чем использование повозок и колесниц. Ранние индийцы – ближайшие родственники иранцев, которые одно время обитали в Северном Туркестане, – больше использовали колесницы, чем езду верхом.

Из этого факта можно сделать вывод, что искусство верховой езды получило развитие после ухода индийской ветви арийцев из этого региона.

Когда мы пытаемся восстановить древнюю историю цивилизации, выясняется, что уже в самый ранний период народы Месопотамии изобрели колесо и вскоре после этого – колесницу. Имея еще весьма скудные знания о лошади, они запрягали в эти колесницы либо быков, либо ослов. Вероятно, тот факт, что быки гораздо лучше приспособлены для перевозки, чем для верховой езды, стал причиной того, что первое повсеместно предшествовало второму.

Однако только спустя много веков, когда индоевропейцы распространились по многим частям мира, те из них, которые продолжали жить в Центральной Азии, а именно скифы и сарматы, овладели блистательным и оригинальным навыком езды верхом на тех животных, которых так долго использовали как тягло. Учитывая это важное изменение, а также многочисленные результаты, к которым оно привело, нам следует считать скифов и сарматов не просто индоевропейцами, но и создателями новой важнейшей субкультуры.

За освоением верховой езды последовал целый ряд важных изобретений, в особенности касающихся конской сбруи; и неудивительно, что элементы этой сбруи, одни из которых были утилитарными, другие чисто декоративными, как, например, металлические украшения упряжи, являлись важной частью всех скифских и сарматских захоронений. Ис-

пользование уздечки датируется самыми ранними временами, когда на лошадях еще не ездили верхом, но с развитием верховой езды потребовалось изобрести седло. Интересно отметить, что в то время как седло в каком-то виде, скорее всего, было известно и скифам и сарматам, у нас есть основания считать, что стремена имелись только у сарматов. Это показывает, что в Северном Туркестане – истинной родине лошади и верховой езды – непрерывное развитие и совершенствование упряжи продолжалось и после того, как скифы ушли оттуда в свой новый дом на юге России.

Но еще более важным, чем изобретение конской упряжи, было то влияние, которое привычка ездить верхом оказала на одежду. Самым интересным изменением костюма, произошедшим в результате этого влияния, стало изобретение штанов – единственного вида одежды, позволяющего свободно использовать ноги, сидя верхом на лошади.

Примечательно, что ни в Новом Свете, ни в Австралии до появления «белого человека» штаны были совершенно неизвестны. Точно так же они были неизвестны примитивным культурам Африки к югу от Сахары.

Даже в Китае, который теперь так знаменит своей культурой ношения штанов благодаря тому, что их носят даже женщины, мы видим, что одежды древних времен представляли собой свободные платья. Только в начале III в. до н. э. китайцы впервые познакомились с использованием штанов, но настоящую популярность штаны приобрели у них только

к VII в. н. э. Непосредственно из исторических источников известно, что появление штанов в Китае напрямую связано с культурным влиянием Центральной Азии.

В Индии мы видим похожую картину. Благодаря тому, что ранние индоевропейцы, вторгнувшись в Индию, гораздо чаще использовали повозки, чем езду верхом, древние индийцы не носили штанов, и даже в наши дни брюки не являются элементом истинно индийской культуры. Только индийские мусульмане, наследники иранской и центральноазиатской традиции, носят брюки достаточно активно. Дальше на запад мы видим, что штаны были неизвестны древним шумерам, вавилонянам и ассирийцам из Месопотамии. Современные арабы-бедуины не носят их до сих пор. С учетом всего сказанного выше неудивительно, что штаны были неизвестны египтянам и обитателям Северной Африки, однако немного удивляет то, что их никогда не носили ни греки, ни римляне. Древние германцы и, насколько нам известно, древние славяне тоже использовали вместо штанов юбки или кожаные балахоны. Фактически единственными европейцами, в каком-то виде носившими штаны, были кельты.

Здесь снова необходимо отличать кельтов Британских островов от континентальных кельтов. Первые продолжали использовать килт, являвшийся продолжением древнего доисторического и доиндогерманского европейского костюма. В то же время вторых отличали по их штанам, которые они называли словом *bracca*, в котором мы улавливаем слу-

чайное сходство с современным словом «бриджи». Римский термин *Galla Braccata* – «галлы, носящие штаны» – указывает на широкое распространение штанов среди континентальных кельтов. Нет сомнения, что именно у кельтов германцы в конце концов научились носить штаны.

В связи с этой давней привычкой кельтов к штанам весьма любопытно, что среди людей, живущих на Британских островах, юбки носят именно те мужчины, которые говорят на кельтском языке. С учетом этого географического различия в costume среди ранних кельтов, можно не сомневаться в том, что континентальные кельты начали носить штаны только после долгого контакта со скифами.

Теперь, когда мы упомянули штаны, было бы хорошо разобраться с еще одной особенностью скифского костюма. Мы знаем, что и скифы, и сарматы использовали кожаные сапоги, в отличие от сандалий, которые носили в большинстве центров древней цивилизации, и весьма вероятно, что использование кожаных туфель и сапог, как и штанов, начавшись в Центральной Азии, медленно распространилось на другие части мира. Верхнюю часть тела они укрывали плащом или балахоном, державшимся за счет двух пуговиц и ремня на поясе. Этот плащ был очень свободным, но имел плотно прилегающие рукава. Нередко на этот плащ были нашиты золотые или бронзовые пластины, составлявшие некий орнамент. Голову закрывала шапка. У многих племен шапки были остроконечными или зауженными сверху.

Интересный вопрос возникает, когда мы пытаемся определить материалы, из которых делались все эти предметы одежды. В нескольких древних захоронениях в Центральной Азии археологи обнаружили некоторое количество тканых предметов одежды, сделанных из шерсти, однако классические авторы уверяют нас, что скифы были незнакомы с ткачеством, поэтому ткани, найденные в этих захоронениях, скорее всего, имели греческое происхождение.

Настоящий скифо-сарматский костюм был сделан из кожи и меха, раскроенного и сшитого вместе, чтобы придать им нужную форму. В обычных случаях кожу для этих костюмов делали из разнообразных грызунов, которые в изобилии водились в степных землях.

В дополнение к обычной одежде скифам и сарматам очень нравилось украшать себя такими предметами, как кольца, браслеты, кольца на шею или крученые металлические ожерелья. Серьги они тоже носили, хотя, похоже, у древних скифов, как и у многих современных мужчин, обитателей Центральной Азии, был обычай носить серьгу только в одном ухе. В большинстве мест эти украшения выполнялись из золота и создавались руками местных ремесленников. Те, кто не мог себе позволить золотые украшения, использовали бусы, либо самодельные из глины, либо сделанные из камня или стекла и привезенные из района Средиземного моря.

Чтобы любоваться всей этой красотой, скифы (или это были только скифские женщины?) использовали очень искус-

но сделанные бронзовые зеркала, хотя многим из них, как ни странно, нравились металлические зеркала, найденные в ранних китайских гробницах.

В связи с одеждой нужно сказать несколько слов относительно защитных доспехов, которые носили скифы и сарматы во время войны. Эти доспехи состояли в основном из щитов и нагрудников. Часто они пользовались еще и шлемами. В ранние времена все эти предметы изготавливались из кожи, но в более поздние времена кожаные доспехи стали укреплять нашитыми на них чешуйками из других материалов, превращая их, таким образом, в то, что известно под названием «чешуйчатая броня». Классические авторы сообщают нам, что эти чешуйки были сделаны из рога или конского копыта, однако археологические исследования показали, что часто для изготовления чешуйчатых доспехов использовались кость, бронза или железо. Чешуйки располагались как оперение и пришивались к кожаной или тканевой основе. В более поздние времена подобные доспехи стали делать и для лошадей.

Стоит заметить, что сарматы были снабжены чешуйчатыми доспехами лучше, чем скифы. Это факт хорошо согласуется с теорией, согласно которой чешуйчатые доспехи появились либо в Южном Туркестане, либо на Иранском нагорье и распространились в Северный Туркестан уже после того, как скифы ушли из этого региона, чтобы найти себе пристанище в Южной России.

Переходя от оборонительного к наступательному оружию, мы обнаруживаем, что и скифы, и сарматы были хорошо вооружены всеми известными в то время видами оружия. Например, мы знаем, что они использовали боевые топоры, копья и мечи. Скифский меч был коротким, немногим больше кинжала. В то же время у сарматов меч был намного длиннее. Однако во всех других отношениях оружие этих двух народов отличалось мало. Изредка использовались аркан и праща, но в реальных военных действиях ни один из этих видов оружия не играл существенной роли.

Совсем иначе обстояло дело с луком и стрелами. Фактически лук и стрелы можно считать самым важным оружием, использовавшимся обитателями Северного Туркестана и Южной России. Некоторые из сарматов, похоже, использовали лук меньше, чем скифы, но даже среди сарматов лук оставался неизменной и очень важной частью военного снаряжения.

Несмотря на небольшой размер, эти луки отличались большой силой, поскольку были по большей части составными, а не простыми. Наконечники стрел делались из кости, камня, бронзы или железа. Некоторые сарматские племена, по-видимому, мазали наконечники стрел ядом, но эта практика была далеко не повсеместной. Для облегчения переноски стрел использовался колчан, совмещенный с сумкой для лука, который греки называли *gorytus*. Достаточно большое количество этих предметов, искусно украшенных, было най-

дено в различных скифских курганах. Обычно скифы и сарматы стреляли из лука, сидя верхом на лошади, что вызывало большое удивление у соседних народов, которые часто называли скифов «конными лучниками».

Именно благодаря скифам лук и стрелы сделали популярным оружием нападения у различных народов Европы и Азии. Конечно, лук очень древнее оружие, использование которого до периода Нового времени было обнаружено во многих частях света. Учитывая этот факт, довольно странно, что так много великих военных держав древних времен использовали его достаточно мало. Большинство диких племен как Северной, так и Южной Америки мастерски владели луком и стрелами, однако великие империи, возникшие в Перу и в Мексике, предпочитали совсем другие виды оружия.

То же самое можно сказать и о Старом Свете. Многие варварские народы Европы и Азии использовали лук, но огромные массы солдат Древнего Китая пользовались другим оружием. Лук, безусловно, был хорошо знаком грекам и римлянам. Фактически в армиях обоих народов существовали специальные воины-лучники, но главным оружием оставались копья или метательные копья и мечи. Среди германских народов лук использовался мало. В древние времена лук был ходовым оружием в Египте, Вавилоне и Ассирии.

В отличие от ситуации древних времен в Средние века мы видим, что и в Китае, и в Европе лук снова приобретает огромное значение в военных операциях. Существуют

веские основания полагать, что восстановление популярности лука и стрел в значительной степени произошло благодаря влиянию Центральной Азии если и не самих скифов, то, по меньшей мере, более поздних обитателей этого региона, во многом унаследовавших скифские традиции. Существует одно любопытное отличие в способах ведения войны, использовавшихся древними скифами и средневековыми европейцами. Скифы были одновременно и кавалеристами, и лучниками, тогда как европейцы – либо лучниками, либо кавалеристами. В Европе, как мы знаем, луком и стрелами в большинстве случаев пользовались крестьяне-йомены, которые сражались пешими, тогда как конные рыцари предпочитали использовать копья и мечи. В этом отношении европейские рыцари были похожи на те сарматские племена, которые, несмотря на хорошее знакомство с луком, склонялись преимущественно к использованию копья и меча.

Говоря о таких сарматских племенах, великий римский историк Тацит пишет: «На заре появления конницы они были... непобедимы. Их оружием были длинные копья и огромного размера мечи, которые им приходилось держать обеими руками. Военачальники носили доспехи, сделанные из железных пластин или твердых шкур животных, непробиваемые для врага, но доставлявшие такие неудобства самому воину, что тот, кто падал в бою, уже не мог снова подняться». Это описание сарматов первых веков н. э. кажется почти полностью совпадающим с описанием европейских рыцарей

Средних веков.

Обращаясь к архитектуре скифо-сарматских домов, мы видим, что она представляет собой одну из характерных черт их культуры. Будучи преимущественно кочевниками, не привязанными к городам, селениям или даже определенному месту обитания, скифы и сарматы не использовали ни кирпич, ни блоки, высушенные на солнце, характерные для архитектуры Ирана и Китая, ни дерево, характерное для Европы. Они пользовались палатками (шатрами) из войлока. К сожалению, ни один из классических авторов не оставил нам адекватного описания скифских или сарматских жилищ, поэтому есть некоторые сомнения в отношении их точной формы. Но весьма вероятно, что скифо-сарматские шатры были прямыми предками сборно-разборных жилищ, известных в наши дни под названием «юрты» или «кибитки», которые до сих пор являются стандартными домами кочевых обитателей Центральной Азии.

Юрта совсем не похожа на конический «вигвам» – жилище, которое можно найти в Сибири (под названием «чум») и у многих североамериканских индейцев. Совсем не похожа она и на двускатные квадратные палатки, которыми пользуются тибетцы и арабы. Юрта имеет цилиндрическую форму и по виду больше всего напоминает маленькую газовую цистерну. Ее конструкция состоит из деревянного сетчатого каркаса с количеством ячеек от шести до десяти, который можно раздвинуть или сдвинуть вместе, чтобы сложить.

Сверху каркас накрывает крыша из легких стропил, соединяющихся в центре круга.

В современной юрте, как и в ее прототипе, древнем скифском жилище, деревянный решетчатый каркас накрывают войлоком. Как указывал Лауфер, искусство изготовления войлока, вероятнее всего, является еще одной культурной особенностью, распространившейся из Центральной Азии. Ее не было в Америке до Колумба. В Африке она тоже отсутствовала. Даже в Египте, где разводили овец и из их шерсти производили ткани, войлок никогда не делали. Войлок был знаком грекам и римлянам, жившим с одной стороны от степей Евразии, и китайцам, обитавшим с другой. Но ни на Западе, ни на Востоке изготовление войлока, по-видимому, не велось в каких-либо существенных количествах. На самом деле среди китайцев, хотя они были хорошо знакомы с разведением овец, войлок никогда не применялся как материал для одежды. С другой стороны, в Центральной Азии (в степях Евразии) со времен скифов и до наших дней изготовление войлока всегда играло важную роль в местной культуре. По этой причине мы можем сделать вывод, что искусство изготовления войлока первоначально возникло у скифов и сарматов.

Конечно, для скифов и сарматов, как для степных жителей, было крайне важно иметь жилища, которые можно легко перемещать. Современные обитатели Центральной Азии достигают этой цели за счет использования юрт, сконстру-

ированных таким образом, чтобы их было легко разбирать и собирать. Деревянный сетчатый каркас и войлочное покрытие в сложенном виде занимают совсем мало места, и их можно без особого труда перевозить на спине лошади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.